

УДК 947.6 «1588»

А.А. Сухарев, П.В. Борботько

Роль семьи в процессе психологической и правовой социализации молодого шляхтича

В данной статье мы хотели бы рассмотреть вопрос о месте и роли семьи как первичного института психологической и правовой социализации молодого шляхтича и отражение данной проблемы в своде законодательных актов Великого княжества Литовского – Статуте 1588 года [1].

Как известно, социализация личности представляет собой сложный и противоречивый процесс взаимодействия личности и общества [2].

Среди всех агентов и институтов социализации, несомненно, самыми важными являются первичные – родители, братья, сестры, бабушки, дедушки, близкие и дальние родственники, семья. Именно они, в первую очередь, влияют на становление человека как типа личности в психологическом, правовом, официальном и т.д. плане. Начиная с издания общеземских привилеев в Великом княжестве Литовском, законодательство пыталось регулировать взаимоотношения в среде ближайшего окружения человека [3]. Оно искало, при этом, опору в семье. На этот институт общества возлагались надежды как на воспитателя, формирующего граждан страны и, приближающего их к определенному идеалу, выработанному философской, политической и правовой мыслью XVI века [1, 4].

Общий смысл данных процессов можно сформулировать как попытку разработчиков Статута сформировать гражданско-устойчивую личность, способную вносить реально ощутимый вклад в совершенствование общественной жизни и самой себя [5].

Обращение к данной теме ставит перед исследователями ряд проблем: отражение Статутом места семьи в системе общественной и государственной жизни; формы и методы ее влияния на молодого представителя «шляхетского стана» (как они трактуются законодательством); роль и помощь, которые оказывало государство, поддерживая или предотвращая нежелательное для себя воздействие известного социального института на данный процесс; и, наконец, какой идеальный тип личности должен (по положениям Статута) быть своеобразным «продуктом» данного процесса.

Исследуемый нами свод законов Великого княжества Литовского продолжает развивать нормы Статута 1529 года [1]. Статут рассматривает те или иные вопросы, регулирующие проблемы семьи и семейных отношений в разделах: I «О персоне нашей государевой» (статьи 3, 6, 7); II «Об обороне земской» (статьи 1, 11, 12); III «О вольностях шляхетских и о расширении Великого княжества Литовского» (ст. 17, 19, 20, 25, 28, 39, 40); IV «О судьях и о судах» (ст.35, 49); VII «О записях и о продажах» (ст. 1, 4, 16, 17, 18); XI «О насилиях, побоях и головщизнах шляхетских» (ст.2, 6-8, 44-47, 60); XIV «О воровстве всякого рода» (ст. 11, 23, 29, 30-32). Кроме этого, этим проблемам полностью посвящены разделы: V «О отправе посагу и о вене», VI «Об опеках» и VIII «О тестаментях».

Таким образом, 81 статья Статута (это составляет 1/6 его объема) так или иначе, регулирует социализирующее влияние семьи на шляхетскую моло-

дежь. Это, в очередной раз, подчеркивает важнейшее значение рассматриваемого нами общественного института для жизни государства.

Психологическая теория разработала многоуровневый подход к данному процессу [6]. Самым важным для нас является третий уровень социализации: «личность – общество». Он характеризует усвоение личностью системы отношений в обществе: социальных требований, правил, ожиданий. На его основе складываются мотивы поведения, установки, которые личность должна усваивать, чтобы существовать в данном обществе [5]

По Статуту семья воспитывает человека как личность и как гражданина. Первое характеризует его с социальной стороны, как осознающего себя, свое место и роль в обществе, ответственность перед ним. Второе – с юридической стороны, как находящегося в устойчивой правовой связи с конкретным государством. Кроме этого, через весь свод законов проходит идея о коллективной ответственности (своеобразной «круговой поруке») членов семьи перед государством за действия тех или иных ее членов. Данный институт общества выполняет очевидный государственный заказ по надзору и воспитанию будущих граждан конкретного государства.

Иными словами, в первом случае, у молодого человека формируется потребность в принадлежности к человеческому социуму; во втором, ведущей становится потребность самореализации [6]. В этом и проявляется охранительная, направляющая, регламентирующая и т.д. деятельность Статута.

Рассмотрим примеры, подтверждающие наши выводы.

В первую очередь, законодательство четко регламентирует, кого именно следует относить к «шляхетскому стану». По нему такое право давала принадлежность к семье шляхтича: «шляхеція саслоўныя правы пераходзілі нашчадкам – мужчынам ад патомных шляхцічаў, а таксама дочкам (але не іх дзецям, калі яны выходзілі не за шляхціча)» [7, 8] Об этом говорится в разделе III, статьях: 17, 19, 20. Именно родственники подтверждали в суде принадлежность человека к рассматриваемому нами сословию, в том случае, когда оно оспаривалось: «если бы кто кому сказал, что он не шляхтич, тогда тот, кто доказывает, должен представить со стороны отца и матери по два шляхтича родственников, то есть двоих от отца и двоих от матери кровных родственников, и на том присягнуть, что он их прироченый и настоящий шляхтич» (разд. III, ст. 19). Таким образом, ощущая свою принадлежность к тому или иному семейному клану, молодой человек самоидентифицировал себя не только с ним самим, но и с конкретным социальным слоем в государстве.

Это, в свою очередь, привело законодателей к мысли, что большая роль в данном процессе, должна придаваться чистоте и святости брака. Кроме этого, Статут точно регламентировал права и обязанности детей (законных и незаконных). Недопустимость нарушения четко регламентированных норм морали и нравственности супругов, устоявшихся со времен Полоцкого княжества, призвана была обеспечить рост значения и влияния рассматриваемого нами института (по рассматриваемым нами проблемам). Этим вопросам посвящены статьи раздела XI: «О насильственном взятии в жены девушки, вдовы и любой женщины» (ст. 13), «О наказании таких распутных женщин, которые бы погубили своих детей или чужих» (ст. 60); раздела XIV: «О таковых своевольных людях, которые бы, подговорив замужнюю женщину, с ней уехали» (ст. 29), «О наказании прелюбодеяния» (ст. 30), «О наказании сводней» (ст. 31); «Об убийстве незаконнорожденного» (ст. 32); раздела III « О жєнїтбє шляхтїча на шляхтянкє и потомствє таких людєй» (ст. 20); «О бесчестии в том, что кто-либо является непорочной матери сыном, и о бесчестии женщин шляхетских» (ст.28) и т.д.

По нашему мнению, не только человек, находившийся в той или иной «семейной» ячейке общества зависел от данного первичного института социализации.

зации. Мы полагаем, что был и обратный процесс, возникавший из заинтересованности государственной власти иметь для себя опору на крепкое «служилое» сословие. Власти стремились не допустить, как следует из Статута, смешения различных «станов» общества. Этому способствовали нормы права, регулировавшие вопросы об утрате своего общественного положения (как для отдельного человека, так и для семьи в целом).

Потеря шляхетского достоинства происходила по постановлению суда в связи с совершением человеком государственного преступления (разд. I, ст. 3, 6, 7), а также в случае, если шляхтич начинал добывать себе средства для жизни торговлей или ремеслом (что было определено еще Статутом 1529 года) [4]. Правда, в последнем случае, Статут оставлял возможность «исправиться» отступникам. Для этого необходимо было чтобы они «кшинком или городским ремеслом заниматься не захотели и не торговали, и, уйдя из города, последовали бы рыцарским поступкам своих предков» (разд. III, ст. 25). После совершения таких действий «таковые должны быть признаны подлинной шляхтой» (там же). Подобная норма высказывается и в статье 20, раздела III. «Оскорбление государева величия», в том смысле как оно понималось разработчиками законов, влекло необратимые беды для семьи, заинтересовывая ее более качественно воспитывать молодое поколение. Государство, со своей стороны, открыто терроризировало родственников «отступника».

Это выливалось как в психологическое и экономическое, так и внеэкономическое давление на семью. Взрослые сыновья, по Статуту, знавшие об измене, «честь и горло должны утрачивать» (разд. I, ст. 3). Жены, дочери и сыновья, не знавшие о ней, жизнь и достоинство сохраняли, однако, «от всех имений отчинных, выслуженных и каким-либо обычаем приобретенных, навечно лишаются» (там же). Для человека, поставившего интересы государства (догнать и наказать изменника, пусть даже своего родственника) мотивом своего поведения законодательство предусматривало награду в виде «милости государя» (разд. I, ст. 6). Как мы видим, здесь опять сказывается роль и влияние семьи – ее примера. Государство возлагает на нее обязанность служить образцом для молодежи в вопросах о выборе себе профессиональных занятий и осознании себя «служилым» сословием ВКЛ [9].

Самоидентифицируя себя с определенным коллективом кровных родственников, молодой человек социализировался в процессе осознания своей личной ответственности за все то, что совершал он сам и его родственники перед государством. Она ложилась на его плечи, если так можно сказать, «по наследству», от предков. Статут приводит конкретный набор правовых норм, определяющих данный вопрос. Сюда мы можем отнести статьи раздела I: «Кто бы из государства нашего в неприятельскую землю удрал» (ст. 6); «Оскорбление нашего государева величия, как его понимать и за это наказывать» (ст. 3); «Если бы отец от детей удрал в землю неприятельскую, также и которые близкие, и о том кто бы такого поймал или убил» (ст. 7). Раздел II добавляет к этому статьи: «Об обязанности, как все жители здешнего государства службу земскую должны служить» (ст. 1); «Которые из-за немощи своей на войну ехать не могут» (ст. 11); «О сыновьях по замещении на войне одними другого» (ст. 12).

Так, например, статья 1 раздела II определяет что: «достигшие совершеннолетия обязаны будут сами особами своими войну служить и выправлять военную службу», «А вдовы, сироты и дети, не достигшие совершеннолетия, должны выставлять, в соответствии с размером своих имений вооруженных конников». Это воспитывало чувство ответственности всех членов родственного коллектива перед государством за несение военной службы. В статье 12 раздела II регулирует вопрос об определении совершеннолетних сыновей на военную службу: «таковой отец того сына своего должен привести к своему хорунжему... и

ему сказать». По нашему мнению, ручательство отца за сына перед военным начальством должно было придавать особые чувства новобранцу и более тесно связывать его с миром семьи. Долг перед государством рассматривался, вероятно, еще и как долг в том, что бы не опозорить своих заслуженных предков.

Семья как институт подготовки молодого человека к будущей взрослой жизни, давала ему и чувство уверенности в своем будущем, защищенности от невзгод жизни. Это выражалось, в первую очередь, в уверенности в своем материальном положении. Мы полагаем, что с психологической точки зрения, для решения законодательством данного комплекса проблем, здесь наибольшую роль играли разделы: VI «Об опеках» и VIII «О тестаментях». В них довольно подробно разработаны нормы наследственного права.

Именно поэтому так остро вставал вопрос, упоминавшийся нами выше, о законнорожденности детей. Незаконнорожденные, по Статуту, лишались всех наследственных прав. Статья 28 раздела III четко определяла кого полагается считать незаконнорожденными. Это, во-первых, дети, рожденные в браке «с невенчаной женой», во-вторых, «которых бы отец при собственной жене с любовницей имел», в-третьих, «от которого отец при своей жизни отказался и не своим сыном его признал бы». Интерес представляет статья 7 раздела VIII «Причины, по которым отец может отречься от сыновей или дочерей». В ней говорится о случаях, которые могут привести к тому, что дети в случае неуважения к родителям могли потерять право на наследование их имущества. Такими поступками считались: во-первых, «если бы сын или дочь, на родителей своих поднял руку, ударил или толкнул в гнев» (за это следовала смертная казнь провинившегося); во-вторых, это захват имущества родителей без их ведома и согласия; в-третьих, если, дети по своей злобе, будут настаивать в суде на осуждение родителей на смертную казнь; в-четвертых, не захотели поручиться за родителей в суде; в-пятых, дочь, если она ведет распутный образ жизни; в-шестых, если дети не помогают родителям в старости; в-седьмых, если, владея имуществом родителей, отказывались выкупить их из плена. В этом выражается, на наш взгляд, попытка законодателей помочь семье в ее воспитательных функциях. Кроме этого, по данной статье можно проследить черты идеального гражданина, которые законодательство стремилось воспитывать в своих гражданах. Правда и в этом случае, интересы государства вновь выдвигаются на первый план. Так, нарушение любого из семи пунктов не влечет за собой ответственности, если оно совершено в интересах государства.

Законодательство регулирует и такой сложный вопрос как социализация детей-сирот в нормальных и полноценных граждан общества. Этим вопросам посвящен раздел III-й Статута. Он предусматривает защиту интересов сирот до достижения ими совершеннолетия. «А лета мужчина должен иметь совершенные восемнадцать лет, а девица тринадцать лет» (ст. 1).

Нам представляется интересной статья 4 данного раздела «Наука опекунам, как должны опеку на себя брать». В ней мы выделяем два особенно интересующих нас уровня: во-первых, опекун должен был решать проблему социализации сирот как своих собственных детей и, во-вторых, Статут нам не дает подобной объемной статьи, в которой сводились бы воедино правила для родителей по воспитанию и обучению их собственных детей. Мы полагаем, что большинство указанных в ней норм можно отнести и на счет полных семей (как институтов социализации). В статье указывается, что: «опекун, взяв детей, должен их в добропорядочном воспитании и науках содержать и в достатке, согласно зажиточности имения и согласно большому старанию своему». Из доходов имения они должны выделять средства «на воспитание и на науку детям, на право, на службу земскую военную». Все это должно было сказываться на рассматриваемых нами процессах.

Исходя из всего выше сказанного можно получить представление о том, какие вопросы в процессе становления личности молодого представителя шляхетского необходимо было воспитывать в первую очередь: патриотизм, готовность служить великому князю лично и всему государству в целом, соблюдение законодательства государства и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*. Мн., 1989. – 359 с.
2. *Столин В.В.* Самосознание личности. М, 1983. С. 24.
3. *Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах*. Т. 1. Мн., 1936. С. 210-225; 227-229.
4. *Статут Великого княжества Литовского 1529 года*. Мн., 1960. – 251 с.
5. *Богомаз С.Л.* Проблема самосознания в отечественной психологической традиции // *Веснік ВДУ*, 1997, № 1(3). С. 3.
6. *Прохоров Ю.М.* Основные концепции социализации личности // *Веснік ВДУ*, 1997, № 3(5). С. 26.
7. *Вішнеўскі А.Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Вучэб. дапаможнік. Мн., 2000. С. 41.
8. *Сліж Н.* Статус жанчыны-шляхцянікі ў ВКЛ (XVI-XVIII стст.) // *Беларускі гістарычны часопіс*, 1996, № 4. С. 57-59.
9. *Уваров И.Ю.* Социально-правовое положение шляхты в Великом княжестве Литовском в XVI в. // *Веснік ВДУ*, 2000, № 3(17). С. 12.

S U M M A R Y

The paper examines questions of legal and psychological education of the young gentry of the Great Principality of Lithuania in the XVIth century. Research was carried out on the basis of publications of research workers of the P.M. Masherova State University, Vitebsk on various problems of socialization and the documentary material contained in the legislative acts of the Great Principality of Lithuania of the XIV-XVIth centuries. It resulted in singling out basic institutions and agents of socializing and educating the young citizen to which main attention was paid in the Statute. The problem of their use by legislation and degrees of influence on the youth of the state being formed in spiritual and legal respect is considered.

Поступила в редакцию 1.12.2001

УДК 947.6 (476,5)

Н.В. Старкова

Полоцкий Спасо-Ефросиньевский монастырь в XIX – нач. XX вв.)

Одной из наименее разработанных тем современной исторической науки является история православной церкви. За последнее время интерес к данной проблеме возрос, но масштабы ее изучения, количество и качество трудов не всегда соответствуют важности данной проблемы. Одной из причин такого положения можно назвать неполное использование новых источников, многие из которых остаются пока достоянием архивов.

Имеющиеся в данной области исследования можно разделить на 3 периода: дореволюционный, советский (до конца 80-х годов), работы последних